

Лит.: Пильский П. Кн. стихов Екатерины Таубер // Сегодня. 1935. № 146; Нарциссов Б. [Рец.: «Нездешний дом»] // Новый ж. 1973. № 113; Шиманская А. С. [Рец.: «Нездешний дом»] // Современник. 1974. № 26–27.

Е. С. Померанцева

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович [8(21).6.1910, хутор Загорье, ныне Починковский р-н Смоленской обл.— 18.12.1971, пос. Красная Пахра Московской обл.; похоронен в Москве] — поэт.

Родился в семье сельского кузнеца, всю жизнь мечтавшего о крестьянской независимости и достатке, человека целеустремленного и начитанного. Мать происходила из дворян-однодворцев, чей быт мало отличался от крестьянского. С отечественной классикой Т. познакомился в детстве, когда в семье «целые зимние вечера часто отдавались чтению вслух какой-либо книги» (Автобиография. 1965); тогда же, еще до овладения грамотой, он начинает писать стихи. В 1922 Т. оканчивает 4 класса начальной школы, однако в средней школе, находившейся в г. Ельне, продолжить учение из-за материальных затруднений не удалось.

С 1924 Т. посылает заметки в местные газ. — о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, критикует местные власти. «Изредка заметки печатались», — вспоминал впоследствии поэт. Поэтический дебют Т. состоялся 19 июля 1925, когда в газ. «Смоленская деревня» было напечатано стих. «**Новая изба**», заканчивающееся такими словами: «А в углу мы „богов“ не повесим / И не будет лампадка тлеть. / Вместо этой дедовской плесени / Из угла будет Ленин глядеть». Комсомольской бескомпромиссностью и даже жестокостью ко всему уходящему и, как ему тогда казалось, отживающему ранний Т. был коренным образом отличен от своих старших современников — П. Орешина, С. Клычкова, Н. Клюева, С. Есенина. В стихотворениях начинающего Т. не встретишь идиллической грусти, свойственной этим поэтам, как нет в этих стихах или почти нет декларативной лозунговости, пафосности так называемых «комсомольских поэтов» — А. Жарова, А. Безыменского.

Вторая половина 1920-х, когда, поддержанный М. Исаковским, Т. нашел свое призвание, отмечена удивительно быстрым ростом его поэтического мастерства. Большинство стих. этого периода несет в себе повествовательность и сюжетность. Композиционная строгость в сочетании с емкой, подчас скупой

психологической деталью возводит незначительное на первый взгляд событие (продажа ягод на станции, поездка артели плотников в город или уборка прокуренного после заседания помещения) на худож. высоту, в которой достоверность уже тогда высвечивала эпические черты. Обращаясь к темам и образам родного дома, дороги, переправы, ранний Т. постоянно внимателен к коллизии жизни и смерти, к кругу вечного возвращения явлений природы, причем взгляд поэта останавливается на переходном их состоянии в тот или иной невозвратно уносящийся миг. За четыре года после появления «Новой избы» Т. были сделаны значительные открытия, среди которых такие стих., как «**Ночной сторож**», «**Девочка с вишнями**» (оба — 1927), «**Перевозчик**», «**В пути**», «**Уборщица**» (все — 1928), «**Каникулы**», «**Новоселье**», «**Яблоки**», «**Друг мой вовремя уехал...**» (все — 1929).

Ободренный постоянными поэтическими публикациями и лит. признанием (уже в 1927 местная газ. «Юный товарищ» опубликовала «литературно-творческий этюд» Д. Осина «Александр Твардовский»), Т. в 1928 покидает родной дом. Сначала он пытается найти постоянную лит. работу в Смоленске, а затем, после появления в центральном ж. «Октябрь» (1929. № 3) стих. «**Доклад**», — в Москве; «жил по углам, койкам, слонялся по редакциям», его «все заметнее относилось в сторону от прямого и трудного пути настоящей учебы, настоящей жизни» (Автобиография). Зимой

А. Т. Твардовский

1930 Т. возвращается в Смоленск, где поступает в педагогический ин-т (1932).

Годы жизни в Смоленске (1930–36) были охарактеризованы Т. как период «самый решающий и значительный», совпавший с коллективизацией, которая, по словам поэта, стала «тем же, чем для более старшего поколения Октябрьская революция и Гражданская война» (Автобиография).

В этот период складывается трагическое положение самого Т.: в то время как его родители и братья были раскулачены и сосланы (в 1931), он как корреспондент областных газет должен был отмечать победы колхозного движения, постоянно держать экзамен на «политическую зрелость» (политика «великого перелома» на Смоленщине имела особенно жесткие формы). Надзор со стороны РАП-Па за местной жизнью, в которой Т., начиная с 1927, играл весьма заметную роль, был неотступным. Но, выполняя задания редакции, Т. в силу своего худож. дарования не мог уложиться в рапповские догматические рамки. Поэтому именно он, как никто другой, подвергался разного рода проработкам и преследованиям со стороны местных и московских «неистовых ревнителей». Так, на закрытом заседании СмолАПП под давлением генерального секретаря РАПП Л. Л. Авербаха в июне 1930 Т. был исключен из ассоциации сроком на 6 месяцев: «не ведет общественной работы», «мелкий интеллигент, чинуша, оторвавшийся от класса, не сработавшийся с массами» (ЛН. Т. 93. С. 406). Тяжело пережив случившееся, Т. тем не менее продолжает свои худож. поиски: появляется серия очерков **«По колхозной Смоленщине»** (1932–36), отд. изд. выходит **«Дневник председателя колхоза»** (1932) — первое крупное прозаическое произведение Т. Находясь в соседстве с первыми эпическими опытами (**«Путь к социализму»**, 1931; **«Вступление»**, 1932), созданными, по признанию автора, в период «крайнего отвращения к стихотворству», «Дневник председателя колхоза» как бы компенсирует некоторые затруднения Т. в поэтической работе. В этой повести Т. удалась не только психологическая достоверность в изображении героев, но и драматургическая емкость диалогов, лирическая многоплановость в сочетании с мягкой иронией, прием говорить от лица своего героя, словно передоверяя ему авторские раздумья, т. е. те черты поэтического стиля, которые станут характерными свойствами его будущего творчества.

Следующей вехой на творческом пути Т. стала работа над лирикой (**«Снег стает,**

отойдет земля...», 1932; **«Лес осенью»**, 1933; **«Гость»**, 1933; **«Братья»**, 1933; **«Кнут»**, 1933, и др.) и поэмой **«Мужичок горбатый»** (1933–34), подвергшейся идеологическому разгрому («душок не нашего представления о бедняке») и цензурному запрету еще в рукописи. Однако имя «Моргунок», данное автором своему персонажу, перейдет из «Мужичка горбатого» к главному герою поэмы **«Страна Муравия»** (1934–36). «Со „Страны Муравии“, встретившей одобрительный прием у читателей и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора» (Автобиография). В этой строгой самооценке Т. не отказывался от пройденного пути, но подчеркнул качественно новые рубежи своего творчества. Первая ред. поэмы встретила неодобрение М. Горького. Т. записал в дневнике (**«Рабочей тетради»**) 23 авг. 1935: «Подкосил дед (Горький.— Ред.), нужно признаться. Но уже прошло два дня. Обдумал, обчувствовал. Переживем. И да обратится сие несчастье на пользу нам. Слов нет, теперь для меня более явственны сырые места. А что продолжает оставаться хорошим, то, видимо, по-настоящему хорошо. Испытание, так сказать» (ЛН. Т. 93. С. 390). Долгое время «Страна Муравия» трактовалась как гимн коллективизации: критика и литературоведение по известным причинам акцентировали свое внимание на позитивных сторонах в изображении Т. «великого перелома». Но содержание поэмы более сложное, исполненное внутреннего драматизма и трагедийности. Достаточно отметить, что строки из первой ред. поэмы: «Их не били, не вязали, / Не пытали пытками, / Их везли, везли возами / С детьми и пожитками. / А кто сам не шел из хаты, / Кто кидался в обмороки,— / Милицейские ребята / Выводили под руки...» — Т. смог опубликовать лишь в 1966 (см.: Выходцев П. Первая редакция поэмы А. Твардовского «Страна Муравия» // Творчество А. Твардовского. С. 286). Хотя и без этого в поэме при первой публикации было и напоминание о Соловках, и обмолвки о непосильных налогах на единоличников, и штрихи к характеристике сельского атеизма, граничившего со слабоумием (паренек-тракторист через слово вставляет: «Бога нет»).

Поиски Никитой Моргуном сказочной страны Муравии, по замыслу Т., не могли увенчаться однозначным — «колхозным» — ответом. Это была не столько мечта о зажиточной жизни, сколько раздумья о крестьянской независимости, самостоятельности.

Моргунок хотел уйти от прошлого, его не прекращали терзать воспоминания о безыходной бедности и унижениях перед сильными мира сего: «И в смертный срок мой вспомню я, / Как к милости твоей / Просить ходила мать моя / Картошки для детей; / Как побирушкой робко шла / По дворне по твоей, / Полкан Иванычем звала / Собаку у дверей...» Символичен открытый финал поэмы. В нем, как можно прочесть сегодня, запечатлен русский религиозно-философский поиск так называемого третьего пути России, свободного как от утопических экспериментов, так и от капиталистической свободы, неизбежно ведущей к расслоению на богатых и нищих. В «Стране Муравии» у Моргунка иного выбора нет, как смириться перед судьбой и принять ту жизнь, которую ему определяла власть.

Поэма Т. необычайно «населена»: здесь нашли свое место все представители эпохи — от деклассированных личностей (бродяги, бывшие кулаки и священники, цыгане, загнанные в колхоз) до новых хозяев жизни (колхозные активисты, вплоть до самого Сталина). Собрать такое гармоническое многообразие и многообразие помогла фольклорная основа произведения, в поэтике которой элементы ярмарочного балагана и народного кукольного спектакля сочетаются с глубочайшим лиризмом и проникновенностью.

В 1936 Т. переезжает в Москву, становится студентом Московского ин-та истории, философии и лит-ры (МИФЛИ), в том же году была напечатана «Страна Муравия» — в Москве и Смоленске. В «Красной нови» во второй половине 1930-х продолжают печататься новые произведения Т., в Москве и Смоленске выходят отд. изданиями сборники стихов. В год окончания МИФЛИ Т. объединил их в книгу **«Сельская хроника»** (1939). Важное место в этот период занимают переводы Т. Г. Шевченко, И. Франко, Я. Купалы, М. Засима, М. Сурначева, народного творчества Украины, Белоруссии, переводы чеченского, армянского и черкесского фольклора (1937–39). За заслуги в области лит-ры, будучи еще студентом, Т. был награжден орденом Ленина (1939).

Всесоюзное признание и лит. слава были одновременно и определенным нравственным испытанием. Рискую своим положением всесоюзно известного писателя, в 1936 Т. добивается возвращения из ссылки родных, а в страшном 1937 вступает за друга — смоленского критика А. В. Македонова, которому предъявлялись политические обвинения. В связи с этим в одной из газет писалось:

«...т. Френкель поставил вопрос о члене секции, поэте Твардовском. Секция выбрала в составе Д. Алтаузена, А. Жарова, Г. Санникова комиссию, которой поручила в 5-дневный срок ознакомиться со всеми материалами, связанными с выступлением Твардовского на собрании смоленских писателей в защиту агента троцкистско-зиновьевской банды в лит-ре Македонова. Комиссии предложено также заново ознакомиться с творческим лицом поэта» (Лит. газ. 1937. 15 сент.). Немалое мужество и горькое вдохновение черпались из «чувства какой-то вины», как позже скажет поэт, за неразделенность общей тяжелой судьбы и с близкими, и с далекими людьми. Это чувство особенно усилится в произведениях Т. периода Великой Отечественной войны, чтобы не покинуть поэта уже никогда.

Военный путь Т. начался с осени 1939, когда он в качестве военного корреспондента участвует в походе Красной Армии в Западную Белоруссию, а затем — в финской кампании (1939–40). «Мне кажется,— писал он М. В. Исаковскому,— что армия будет второй моей темой на всю жизнь» (СС. Т. 6. С. 339).

В лит. группе ред. Ленинградского военного округа «На страже Родины», куда был прикомандирован Т. (там же были Н. Тихонов, В. Саянов, Н. Щербаков, С. Вашенцев, Ц. Солодарь и др.), возник замысел создать серию занимательных рисунков о подвигах веселого солдата-богатыря — так появился Вася Теркин. Стихотворные пояснения к этим рисункам были коллективными. В Великую Отечественную войну, став «личным» героем Т., Теркин освобождается от фельетонных черт, обретает свою всенародно-эпическую всеобщность, вызывает массу подражаний (по словам автора, «Откуда пришел — туда и уходит»). **«Василий Теркин. Книга про бойца»** (1941–45; Сталинская премия 1-й степени — 1946) стала для поэта «истинным счастьем». Т. подчеркивал, что эта работа дала ему «ощущение законности места художника в великой борьбе народа <...>, чувство полной свободы обращения со стихом и словом» (**«Как был написан „Василий Теркин“ (Ответ читателям)»** (1951–66). Признание «Книги про бойца» было не только общенародным, но и общенациональным: «...Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!» (Бу-

нин И. А. Письмо Н. Д. Телешову // День поэзии 1972. М., 1972. С. 205).

Наряду с главами «Василия Теркина» Т. создает ряд стих. очерковой и балладной направленности: «**Рассказ танкиста**» (1941), «**Баллада о товарище**» (1941–1942), «**Армейский сапожник**», «**Баллада об отречении**» (оба — 1942), «**Большое лето**» (1943), «**Возмездие**» (1944).

Вехой в эволюции Т.-лирика стал 1943: с этого времени все сильнее звучат в его поэзии ноты трагизма. В этом году было написано стих. «**Две строчки**» (о мальчике-солдате, погибшем на «незнаменитой» финской войне), пронзительная печаль которого будет отзываться в поэтических шедеврах первых послевоенных лет: «**Перед войной, как будто в знак беды...**» (1945), «**Я убит подо Ржевом**» (1945–1946), «**В тот день, когда окончилась война**» (1948), «**Жестокая память**», «**В те дни за границей**», «**За озером**» (все — 1951).

Вершинным в послевоенном творчестве произведением Т. стала поэма «**Дом у дороги**» (1942–46; Сталинская премия 2-й степени — 1947). Подзаголовок «Лирическая хроника» как бы раскрывает ее симфоническую основу. Начатая в период создания «Василия Теркина», эта поэма отразила горечь отступления наших войск летом 1941, ужасы фашистского нашествия, судьбы миллионов советских людей, оказавшихся в немецких концлагерях. Трагизм «Дома у дороги» многократно усилен возвращением отца, мужа, хозяина, солдата-победителя к пепелищу родного дома, спаленного войной. Вместо радости победы — неизбывное сиротство.

Конец 1940-х отмечен выходом прозы Т. «**Родина и чужбина**» (1947). Серия очерков дневникового характера: о войне, о человеке, участвующем в ней, о народном характере, не разрушенном военными испытаниями. Критика предъявила автору обвинение в политической отсталости, в «ущербном, ограниченном представлении о сущности советского патриотизма» и т. п. На фоне недавнего «Постановления ЦК ВКП(б) о журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946) эти обвинения прозвучали весьма зловеще. Однако вскоре эти нападки на Т. прекратились. В 1950 Т. был назначен главным редактором ж. «Новый мир». Опубликованные в 1954 в ж. статьи и рецензии В. Померанцева («Об искренности в литературе»), М. Лившица («Дневник писателя» Мариэтты Шагинян), Ф. Абрамова («Люди колхозной деревни в послевоенной прозе») и др. были проникнуты неприятием догматизма, они явились

первым шагом к переоценке сталинского руководства страной. Выход каждого очередного номера ж. вызывал большой общественный резонанс. Ж. «Новый мир» становился своего рода альтернативным идеологическим лидером. Это не могло не встревожить тогдашних партийных руководителей. В конце концов Т. был снят с должности главного редактора «Нового мира» (1954).

Пафосом трудного, порой мучительного переосмысления советской истории наполнены создававшиеся на протяжении 1950-х поэмы «**За далью — даль**» (1950–60; Ленинская премия 1961) и «**Теркин на том свете**» (1954–63). Раздумья автора над сталинской эпохой, вера в необратимость демократических преобразований стали главной темой этих произведений.

В поэме «За далью — даль» (жанровое определение автора — «Из путевого дневника») соединяются путешествия во времени и пространстве — от воспоминаний о детских годах и юности до горьких раздумий знающего себе цену художника о собственной несвободе. В поэме разворачивается жизнь страны от Москвы до Владивостока. Перед читателем предстает и сельская кузница отца, и великая кузница России — Урал; драматическая встреча автора на станции Тайшет с другом детства, возвращающимся домой из лагерей, где он на каторге провел «лучший жизни срок», и мученическая судьба тетки Дарьи, на чьих плечах выстояла страна и в военное лихолетье и в годы репрессий. Лирическое переживание наполняется емким эпическим содержанием.

Поэма «Теркин на том свете» взволновала читателей сатирическим изображением номенклатурных порядков изнутри самой политической системы. Автор знал обычаи и традиции, царившие в этой системе и не меняющиеся ни при Сталине, ни после него. Публикация поэмы стала возможной (1963) на антисталинской волне, вызванной XXII съездом, а поднявшая голову догматическая критика делала попытки противопоставить оптимизм «Книги про бойца» — «Теркину на том свете» (Стариков Д. В. Теркин против Теркина // Октябрь. 1963. № 10).

В период своего второго руководства ж. «Новый мир» (1958–70) Т. собирает вокруг ж. лучшие лит. силы. Основное внимание было уделено прозе. Страницы «Нового мира» были отданы произведениям таких писателей, как Г. Бакланов, В. Некрасов, Ч. Айтматов, В. Астафьев, В. Белов, С. Залыгин, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Войнович, В. Тендряков, Ю. Бондарев. Сам факт появления

произведения под синей обложкой «журнала Твардовского» служил своего рода худож. гарантией, был очень высокой оценкой. Важное место в жизни ж. в это время занимали публикации из ЛН (материалы М. Горького, М. Булгакова, И. Шмелева, А. Луначарского, Б. Пастернака, А. Куприна, М. Цветаевой и мн. др. писателей, деятелей науки, искусства). Эпохальным событием в истории «Нового мира» и общества стала публикация (1962. № 11) повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» с предисл. Т.

«Я в сущности — прозаик», — незадолго до смерти признался Т. (Кондратович А. Примечания // Твардовский А. СС. Т. 4. С. 516). В этих словах запечатлена попытка художника поставить на первое место в своей поэтической работе не «лирическое волнение», а то, чем владеет проза: бытийность, сущее, событие, его человеческую и гражданскую значимость. Таков поэтический мир Т.

В рассказе «Печники» (1958), в лит.-критических статьях «Поэзия Михаила Исаковского» (1967), «О Бунине» (1965), в цикле «Памяти ушедших» (1962–68) и др. Т. размышляет о месте художника в жизни, о «достоинстве таланта», об ответственности искусства перед эпохой.

Нелегкими, порой горькими раздумьями о современности и творчестве наполнены сб. стихов «Из лирики этих лет. 1959–1967» и цикл «Из новых стихотворений» (Новый мир. 1969. № 1), которые стали одной из вершин русской поэзии XX в. Яркие выраженные классические традиции «Из лирики этих лет» (Гос. премия 1971) сближают Т. не только с поздними стих. таких поэтов, как Пастернак и Ахматова, но и традициями Пушкина, Баратынского, Тютчева. Симфонический лиризм этого сравнительно небольшого сб. стихов усилен внутренними многомерными связями и ассоциациями со всем предыдущим творчеством Т., что особенно проявилось в цикле «Памяти матери» (1965), стих. «Береза» (1966), пронзительных строках «Я знаю, никакой моей вины...» (1966) и др.

Непосредственно к стихотворениям этого времени примыкает и опубликованная только в 1987 последняя поэма Т. «По праву памяти» (1967–69), до этого запрещенная цензурой. И если публицистические ноты «Из лирики этих лет» несколько приглушены автором, то поэма «По праву памяти» выразила гражданскую позицию Т. предельно открыто. В этом произведении поэт снова обращается к теме коллективизации, судьбе отцовской семьи в водовороте тех трагических

событий, страшной участи людей, вынесших фашистский плен и послевоенные репрессии. Поэтическое предостережение от беспамятства объединило последнюю поэму Т. и «Из лирики этих лет» в особую целостность.

С середины 1960-х недовольство со стороны высших партийных чиновников тенденциями, проводимыми «Новым миром», усиливалось. Постоянное вмешательство в работу редколлегии, цензурные придирки, кадровый разгром редколлегии сделали невозможной работу в ж., и Т. уходит (в начале 1970) с поста главного редактора. «Есть много способов убить поэта, — писал А. Солженицын вскоре после смерти Т. — Для Твардовского было избрано: отнять его детище — его страсть — его журнал. Мало было шестнадцатилетних унижений, смиренно сносимых этим богатырем, — только бы продержался журнал, только бы не прервалась литература, только бы печатались люди и читали люди. Мало! — и добавили жжение от разгона, от разгрома, от несправедливости. Это жжение прожгло его в полгода, через полгода он уже был смертельно болен и только по привычной выносливости жил до сих пор — до последнего часа в сознании. В страдании» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. Paris, 1975. С. 552).

Лит. наследие Т. (письма, «Рабочие тетради», «Статьи и заметки о литературе») было и остается одной из лучших школ писательского мастерства, образцом гражданской ответственности и подлинного демократизма.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1976–1983; Стихотворения. Поэмы. М., 1971; Василий Теркин: Книга про бойца. М., 1976. (Лит. памятники); На пути к «Стране Муравии» («Рабочие тетради» поэта) / вступ. статья А. М. Туркова; публ. М. И. Твардовской; прим. Р. М. Романовой // ЛН. Т. 93. Из истории советской лит-ры 1920–30-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983; Стихотворения и поэмы. Л., 1986. (Б-ка поэта. Б. серия); По праву памяти // Знамя. 1987. № 2; Из творческого наследия / публ. и комм. М. И. Твардовской // Новый мир. 1987. № 3; Из рабочих тетрадей. 1953–60 / публ. и комм. М. И. Твардовской // Знамя. 1989. № 7–9; Из ранних стихотворений (1925–35) / сост. М. И. Твардовская. М., 1987; Наброски и черновики / вступ. слово, публ. и прим. М. И. Твардовской // Новый мир. 1990. № 6.

Лит.: Любарева Е. Александр Твардовский: Критико-биографический очерк. М., 1957; Выходцев П. А. Т. Твардовский: Семинарий. Л., 1960; Маршак С. Ради жизни на земле: Об А. Твардовском. М., 1961; Турков А. Александр Твардовский. 2-е изд. М., 1981; Македонов А. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги. М., 1981; Воспоминания об А. Твардовском. 2-е изд. М.,

1982; Кондратович А. Александр Твардовский: Поэзия и личность. 2-е изд. М., 1985; Акаткин В. Ранний Твардовский: Проблемы становления. Воронеж, 1986; Твардовский И. Страницы пережитого // Юность. 1988. № 3; Творчество Александра Твардовского: Исследования и материалы. Библиография. Л., 1989; Романова Р. М. Александр Твардовский. Страницы жизни и творчества. М., 1989; Кондратович А. Новомирский дневник. 1967–70. М., 1991; Турков А. М. «Я прошел такую даль...» Перечитывая Александра Твардовского // Свободная мысль. М., 1996. С. 66–75.

В. А. Прокофьев

ТЕЛЕШОВ Николай Дмитриевич [29.10 (10.11).1867, Москва — 14.3.1957, Москва] — прозаик.

Родился в купеческой семье. Предки его — бывшие крепостные крестьяне Владимирской губ., сумевшие выкупиться. «Может быть, именно от предков и жива во мне уверенность, что без свободы нет настоящего счастья ни для человека, ни для человечества», — писал Т. в автобиографии (Цит. по: Пантелеева К. Николай Дмитриевич Телешов. С. 3). Родители воспитывали мальчика в любви к лит-ре. Подростком Т. познакомился с книгоиздателем Сытиным, в типографии которого не раз наблюдал за «рождением» книги.

В 1884 Т. окончил Московскую Практическую коммерческую академию. Первые стихи Т., появившиеся в этом же году в небольших периодических изданиях, носили подражательный характер. Некоторые поэтические пробы Т. вошли в сб. начинающих поэтов «Искреннее слово» (1886), в подготовке и издании которого он принимал активное участие. Сб. успеха не имел, но помог Т. войти в лит. круги.

Именно потребностью в творческом общении было обусловлено создание «Среды» — московского лит. кружка, который просуществовал с 1899 по 1916. Заседания кружка, проходившие на квартире Т., собирали в разное время таких писателей, как И. А. Бунин, М. Горький, А. Серафимович, В. Вересаев, А. Куприн, Л. Андреев и др. М. Горьким здесь впервые была прочитана пьеса «На дне». Из произведений участников «Среды» были составлены циклы сб. «Знание» и «Слово».

В 1886 вышел сб. Т. «**Фантастические наброски**», куда вошли прозаические этюды (в форме притч), излагающие философские рассуждения Т. о смысле человеческой жизни («**Коридор**», «**Судьба**»), о предназначении художника («**Цветы**»), о пошлости

Н. Д. Телешов

и затхлости обывательской жизни («**В траве**»).

Поэтической образности «Фантастических набросков» сопутствовала «заземленность» печатавшихся одновременно небольших рассказов в духе раннего Чехова, в которых молодой автор обличал захолустность быта и заурядность сознания своих персонажей («**Перемена**»).

В 1893 в ж. «Русское обозрение» опубликованы очерки Т. «**На тройках**». В основу положены воспоминания одного из купцов, побывавшего за Уралом на ярмарке. Художник ярко обрисовал «особую страну» с ее загадочными просторами и не менее загадочным будущим. Стиль произведения подчинен жанру «путешествий» — действие развивается динамично; бегло, но четко, с характерными деталями, обрисовываются фигуры людей и картины сибирской жизни. После журнальных публикаций рассказы и очерки этого цикла были изданы в сб. «**На тройках**» (1895) и «**Повести и рассказы**» (1896).

Последовав совету А. П. Чехова «перешагнуть границу Европы», Т. предпринял поездку за Урал, полностью оправдав надежды своего творческого наставника — «сколько всего узнаете, сколько рассказов привезете!» (Цит. по: Пантелеева К. Николай Дмитриевич Телешов. С. 7). Результатом поездки стали очерки «**За Урал**» (1897), восторженно встреченные русской общественностью и открывшие Т. путь в большую лит-ру. Пред-